

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

ОНО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Stephen King
IT

Перевод с английского В.А. Вебера

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Е.А. Коляды

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Оно : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. В.А. Вебера]. —
Москва: Издательство АСТ, 2017. — 1245, [3] с. — (Король
на все времена).

ISBN 978-5-17-065495-6

В маленьком провинциальном городке Дерри много лет назад семерым подросткам пришлось столкнуться с кромешным ужасом — живым воплощением ада.

Прошли годы... Подростки повзрослели, и ничто, казалось, не предвещало новой беды. Но кошмар прошлого вернулся, неведомая сила повлекла семерых друзей назад, в новую битву со Злом. Ибо в Дерри опять льется кровь и бесследно исчезают люди. Ибо вернулось порождение ночного кошмара, настолько невероятное, что даже не имеет имени...

Читайте самый популярный роман С. Кинга в новом переводе без сокращений!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1986

© Перевод. В.А. Вебер, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Эту книгу я с благодарностью посвящаю моим детям. Мои мать и жена научили меня быть мужчиной. Мои дети научили меня, как стать свободным.

Наоми Рейчел Кинг, четырнадцатилетней.

Джозефу Хиллстрому Кингу, двенадцатилетнему.

Оуэну Филипу Кингу, семилетнему.

Ребятки, вымысел — правда, спрятанная в ложь, и правда вымысла достаточно проста: магия существует.

С.К.

Этот старый город, сколько помню, был мне домом.
Этот город будет здесь и после того, как я уйду.
Восточная сторона, западная — приглядитесь.
Тебя разрушили, но ты все равно в моей душе.

*«Майкл Стэнли Бэнд»**

Что ищешь ты среди руин, камней,
Мой старый друг, вернувшийся с чужбины,
Ты сохранил о родине своей
Взледеянные памятью картины**.

*Георгос Сеферис****

Из-под синевы в темноту.

*Нил Янг*****

* «Майкл Стэнли бэнд» — рок-группа, созданная американским гитаристом и певцом Майклом Стэнли Джи (р. 1948), популярная в 1970—1980 гг. Песня «Мой город» написана Майклом Стэнли в 1980 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Перевел с англ. Герман Гецевич.

*** Сеферис, Георгос (1900—1971) — известный греческий поэт. Стихотворение «Возвращение из ссылки» написано в 1960 г.

**** Янг, Нил Пегсивэл (р. 1945) — канадский певец, музыкант, кинорежиссер. «Из-под синевы в темноту» — фраза из самой известной песни Янга «Му Му Неу Неу» (1979). Сама фраза (Out of the blue and into the black) — из лексикона вьетнамской войны, подразумевавшая уход из-под синего неба во вьетконговские тоннели.

Часть 1

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Они начинают!
Совершенства обостряются,
Цветок раскрывает яркие лепестки
Широко навстречу солнцу,
Но хоботок пчелы
Промахивается мимо них.
Они возвращаются в жирную землю,
Плача —
Вы можете назвать это плачем,
Который расплзается по ним дрожью,
Когда они увядают и исчезают...

*«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс**

Рожденный в городе мертвеца**.

Брюс Спрингстин

* Уильямс, Уильям Карлос (1883—1963) — известный американский поэт, писатель.

** «Рожденный в городе мертвеца»/«Born down in a dead man's town» — первая строка песни «Рожденный в США» (1984) американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

Глава 1

ПОСЛЕ НАБОДНЕНИЯ (1957 г.)

1

Начало этому ужасу, который не закончится еще двадцать восемь лет — если закончится вообще, — положил, насколько я знаю и могу судить, сложенный из газетного листа кораблик, плывущий по вздувшейся от дождей ливневой канаве.

Кораблик нырял носом, кренился на борт, выпрямлялся, храбро проскакивал коварные водовороты и продолжал плавание вдоль Уитчем-стрит к светофору на перекрестке с Джексон-стрит. Во второй половине того осеннего дня 1957 года лампы не горели ни с одной из четырех сторон светофора, и дома вокруг тоже стояли темные. Дождь не переставая лил уже неделю, а последние два дня к нему прибавился ветер. Многие районы Дерри остались без электричества, и восстановить его подачу удалось не везде.

Маленький мальчик в желтом дождевике и красных галошах радостно бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь не прекратился, но наконец-то потерял силу. Стучал по капюшону дождевика, напоминая мальчику стук дождя по крыше сарая... приятный такой, уютный звук. Мальчика в желтом дождевике, шести лет от роду, звали Джордж Денбро. Его брат, Уильям, известный большинству детей в начальной школе Дерри (и даже учителям, которые никогда не называли бы его так в лицо) как Заика Билл, остался дома — выздоравливал после тяжелого гриппа. В ту осень 1957 года, за восемь месяцев до прихода в Дерри настоящего ужаса и за двадцать восемь лет до окончательной развязки, Билл шел одиннадцатый год.

Кораблик, рядом с которым бежал Джордж, смастерил Билл. Сложил из газетного листа, сидя в кровати, привалившись спиной к груде подушек, пока их мать играла «К Элизе» на пианино в гостиной, а дождь без усталости стучал в окно его спальни.

За четверть квартала, ближайшего к перекрестку и неработающему светофору, Уитчем перегораживали дымящиеся бочки и четыре оранжевых, по форме напоминающих козлы для пилки дров, барьера. На перекладине каждого чернела трафаретная надпись «ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ ДЕРРИ». За бочками и барьерами дождь выплеснулся из ливневых канав, забитых ветками, камнями, грудями слипшихся осенних листьев. Поначалу вода выпустила на гудрон тонкие струйки-пальцы, потом принялась загребать его жадными руками — произошло все это на третий день дождей. К полудню четвертого дня куски дорожного покрытия плыли через перекресток Уитчем и Джексон, будто миниатюрные льдины. К тому времени многие жители Дерри нервно шутили на предмет ковчегов. Департаменту общественных работ удалось обеспечить движение по Джексон-стрит, но Уитчем, от барьеров до центра города, для проезда закрыли.

Однако теперь, и с этим все соглашались, худшее осталось позади. В Пустоши река Кендускиг поднялась почти вровень с берегами, и бетонные стены Канала — выправленного русла в центральной части города — выступали из воды на считанные дюймы. Прямо сейчас группа мужчин, в том числе и Зак Денбро, отец Билла и Джорджа, убрали мешки с песком, которые днем раньше набросали в панической спешке. Вчера выход реки из берегов и огромный урон, вызванный наводнением, казались практически неизбежными. Бог свидетель, такое уже случалось: катастрофа 1931 года обошлась в миллионы долларов и унесла почти два десятка жизней. Лет минуло немало, но оставалось достаточно свидетелей того наводнения, чтобы пугать остальных. Одну из жертв нашли в двадцати пяти милях восточнее, в Бакспорте. Рыбы съели у несчастного глаза, три пальца, пенис и чуть ли не всю левую ступню. Тем, что осталось от кистей, он крепко держался за руль «форда».

Но нынче уровень воды снижался, а после введения в строй новой плотины Бангорской электростанции, выше по течению, угроза наводнений вообще перестала бы существовать. Так, во всяком случае, говорил Зак Денбро, работавший в «Бангор гидроэлектрик». Что же касается остальных... если на то пошло, будущие на-

воднения особо их не интересовали. Речь шла о том, чтобы пережить это, восстановить подачу электричества, а потом забыть о случившемся. В Дерри научились прямо-таки виртуозно забывать трагедии и несчастья, и Биллу Денбро со временем предстояло это узнать.

Джордж остановился сразу за барьерами, на краю глубокой расщелины, которая прорезала твердое покрытие Уитчем-стрит. Расщелина пересекала улицу практически по диагонали, оканчиваясь на другой ее стороне футах в сорока ниже того места, справа от мостовой, где стоял Джордж. Он громко рассмеялся (звонким детским смехом, который расцветил серость дня), когда капризом бегущей воды его бумажный кораблик потащило на маленькие пороги, образовавшиеся на размытом гудроне. Поток воды прорезал в нем диагональный канал, и кораблик неся поперек Уитчем-стрит с такой скоростью, что Джорджу пришлось бежать изо всех сил, чтобы не отстать от него. Вода грязными брызгами разлеталась из-под его галош. Их пряжки радостно позвякивали, пока Джордж Денбро мчался навстречу своей странной смерти. В этот момент его наполняла чистая и светлая любовь к своему брату Биллу; любовь — и толика сожаления, что Билл не может все это видеть и в этом участвовать. Конечно, он попытался бы рассказать все Биллу, когда вернется домой, но знал, что его рассказ не позволит Биллу видеть все и в мельчайших подробностях, как произошло бы, помнясь они местами. Билл хорошо читал и писал, но даже в столь юном возрасте Джорджу хватало ума, чтобы понять: это не единственная причина, по которой в табеле Билла стояли одни пятерки, а учителям нравились его сочинения. Да, рассказывать Билл умел. Но еще умел и видеть.

Кораблик пулей проскочил диагональный канал, этот всего лишь сложенный лист с частными объявлениями из «Дерри ньюс», но теперь Джорджу казалось, что это быстроходный катер из военного фильма, вроде тех, какие он иногда по субботам смотрел с Биллом в городском кинотеатре на утренних сеансах. Из военного фильма, где Джон Уэйн сражался с япощками. От носа бумажного кораблика в обе стороны летели брызги, а потом он добрался до ливневой канавы на левой стороне Уитчем-стрит. В том месте, где встречались два потока (один — текущий по расщелине в гудроне, второй — по ливневой канаве), образовался довольно мощный водоворот, и Джорджу показалось, что вода утянет ко-

раблик и перевернет его. Действительно, он опасно накренился, но потом Джордж издал радостный вопль, потому что кораблик выпрямился, развернулся и понесся вниз, к перекрестку. Мальчик бросился его догонять. Над головой октябрьский ветер тряс деревья, которые многодневный ливень (в этом году показавший себя уж очень безжалостным жнецом) едва ли не полностью освободил от груза разноцветных листьев.

2

Сидя в кровати, с еще раскрасневшимися от жара щеками (но температура, как и уровень воды в Кендускиг, наконец-то стала снижаться), Билл закончил складывать бумажный кораблик, но, когда Джордж потянулся к нему, отвел руку.

— А те-е-перь принеси мне па-а-арафин.

— Зачем? Где он?

— В подвале на по-о-олке, как только спустишься вниз, — ответил Билл. — В жестянке с надписью «Га-а-алф»... «Галф». Принеси мне жестянку, нож и миску. И ко-о-оробок спичек.

Джордж покорно пошел, чтобы принести все перечисленное Биллом. Он слышал, что мама по-прежнему играла на пианино, не «К Элизе», а что-то другое. Эта музыка ему не нравилась — какая-то сухая и суетливая. Он слышал, как дождь барабанил по окнам кухни. Эти звуки приятно успокаивали в отличие от мыслей о подвале. Он не любил подвал, не любил спускаться туда по лестнице: всегда представлял себе что-то затаившееся внизу, в темноте. Глупо, конечно, так говорил отец, так говорила мать и, что более важно, так говорил Билл, но однако...

Он даже не любил открывать дверь, чтобы включить свет, опасаясь (эта идея была настолько глупая, что он ни с кем ею не делился), что какая-то жуткая когтистая лапа ляжет на его запястье, пока он будет ощупывать стену в поисках выключателя... а потом рывком утащит его в темноту, пахнущую грязью, сыростью и подгнивающими овощами.

Глупость! Тварей, заросших шерстью, переполненных убийственной злобой и с когтями, не существует. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей (иногда Чет Хантли говорил о таком в вечерних новостях) и, разумеется, не следовало

забывать про комми*, но в их подвале никаких страшных монстров не обитало. Тем не менее эта мысль крепко сидела в голове. И в опасные моменты, когда правой рукой он нащупывал выключатель (левой намертво вцепившись в дверной косяк или ручку), подвальное амбре становилось таким сильным, что, казалось, заполняло мир. Запахи грязи, сырости и подгнивших овощей сливались в один безошибочно узнаваемый запах монстра, являвшего собой апофеоз всех монстров. Запах чудовища, которое Джордж не мог хоть как-то назвать, — запах Оно, затаившегося и изготовившегося к прыжку. Существа, которое могло есть все, но отдававшего особое предпочтение мясу мальчиков.

В то утро он открыл дверь и начал ощупывать стену в поисках выключателя, другой рукой привычно вцепившись в дверной косяк, крепко закрыв глаза, с торчащим из уголка рта кончиком языка, который напоминал умирающий корешок, ищущий воду в эпицентре засухи. Смешно? Конечно! Будьте уверены! Посмотрите на Джорджи! Джорджи боится темноты! Он такой маленький! Музыка доносилась из комнаты, которую отец называл общей, а мать — гостиной. Доносилась, словно из другого мира, далекого-предалекого. Так, наверное, воспринимал бы разговоры и смех на переполненном летнем пляже обессиленный пловец, который боролся с подводным течением.

Его пальцы нащупали выключатель. Ух!

Щелчок...

...и ничего. Никакого света.

Черт! Электричество!

Джордж отдернул руку, будто от корзины со змеями. Отступил на шаг от открытой двери в подвал, сердце учащенно билось в груди. Света нет, конечно же... он забыл, что электричество отключили. Оосподи-суси! Что теперь? Вернуться к Биллу и сказать — не смог он принести парафин, потому что электричества нет и ему страшно. Он боится, как бы что-то не схватило его на ступенях лестницы, не комми, не маньяк-убийца, но существо, которое хуже любого из них. Оно просунет какую-то часть своей вонючей туши в зазор между ступенями и ухватит его за лодыжку. Это будет здорово, правда? Другие могли бы посмеяться над такой выдумкой, но Билл смеяться бы не стал. Билл бы рассердился. Билл бы сказал: «Пора повзрослеть, Джорджи... хочешь ты кораблик или нет?»

* Комми — коммунисты.

И в этот самый момент, словно мысли Джорджа подтолкнули его, Билл прокричал из спальни:

— Ты та-ам умер, Дж-Джорджи?

— Нет, уже несу, Билл, — тут же откликнулся Джордж, потер руки, пытаясь избавиться от предательских мурашек, покрывших кожу. — Я задержался, потому что захотелось попить.

— Что ж, по-оторопись!

Он спустился вниз на четыре ступеньки к нужной ему полке (сердце колотилось в горле, как большой, теплый молоток, волосы на затылке стояли дыбом, глаза жгло как огнем, руки похолодели), в полной уверенности, что в любой момент дверь в подвал может закрыться сама по себе, отсекая белый свет, льющийся из окон кухни, и он услышит Оно, нечто такое, что хуже всех комми и маньяков-убийц этого мира, хуже япошек, хуже Аттилы, хуже чудовищ в сотне фильмов ужасов. Оно, глухо рычащее... и он услышал бы это рычание в жуткие секунды перед тем, как монстр монстров прыгнул бы на него и вспорол ему живот.

В этот день из-за сильнейшего наводнения, почти потопа, подвальный запах был еще противнее, чем обычно. Их дом располагался достаточно высоко по Уитчем-стрит, рядом с вершиной холма, так что они оказались не в самом худшем положении, но вода все равно стояла на полу подвала, просочившись туда через старый фундамент. Запах был таким неприятным, что дышать приходилось часто и неглубоко.

Джордж принялся быстро-быстро перебирать лежащий на полке хлам: старые банки с обувным кремом «Киви», бархотки для чистки обуви, разбитая керосиновая лампа, две почти пустые пластиковые бутылки «Уиндекса», старая канистра с полиролью «Тэтл». По какой-то причине канистра так поразила его, что он провел тридцать секунд, зачарованно глядя на черепаху на крышке. Отшвырнул канистру от себя... и наконец-то нашел нужную ему жестянку с надписью «Галф».

Схватил и со всех ног взбежал по лестнице, внезапно осознав, что сзади подол рубашки вылез из штанов, что подол этот его и погубит: тварь в подвале позволит ему подняться почти до самого верха, а потом ухватится за подол рубашки, потащит назад и...

Он добрался до кухни и захлопнул за собой дверь. Просто грохнул дверью. Привалился к ней, закрыв глаза, весь в испарине, сжимая в руке жестянку с парафином.

Пианино смолкло, послышался голос матери:

— Джорджи, в следующий раз сможешь хлопнуть дверью чуть сильнее? Возможно, тебе удастся разбить несколько тарелок в серванте.

— Извини, мама! — крикнул он в ответ.

— Джорджи, кашкашка, — позвал из спальни Билл. Тихонько, чтобы не услышала мать.

Джордж хихикнул. Страх его уже ушел. Ускользнул так же легко, как ускользают воспоминания о кошмарном сне, когда кто-то просыпается в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Он ощупывает тело, оглядывается, чтобы убедиться: наяву ничего этого не было, и тут же начинает забывать. Половину кошмара не помнит, когда его ноги касаются пола, трех четвертей — когда выходит из душа и начинает вытираться, а уж после завтрака кошмар забывается полностью. Ускользает... до следующего раза, когда, в том же кошмарном сне, все страхи возвращаются.

«Эта черепаха, — подумал Джордж, направляясь к столику, в ящике которого лежали спички. — Где я уже видел такую черепаху?»

Но ответа не нашел и перестал об этом думать.

Взял из ящика коробок спичек, со стойки — нож (держа его лезвием от себя, как учил отец), из буфета для посуды в столовой — маленькую миску. Потом вернулся в комнату Билла.

— Ка-акая же ты жо-опная дырка, Дж-Джорджи. — Впрочем, голос Билла звучал миролюбиво. Он отодвинул от края прикроватного столика атрибуты болезни: пустой стакан, графин с водой, бумажные салфетки, книги, бутылку растирки «Викс варораб», запах которой всегда будет ассоциироваться у Билла с грудным кашлем и сопливым носом. Там же стоял и старенький радиоприемник «Филко», транслирующий не Баха или Шопена, а песню Литтл Ричарда... но так тихо, что голос Литтл Ричарда лишился присущей ему первоначальной мощи. Их мать, которая обучалась игре на рояле в Джульярде*, ненавидела рок-н-ролл. Не просто не любила — он вызывал у нее отвращение.

— Я не жопная дырка, — ответил Джордж, расставляя принесенное на прикроватном столике.

— Она самая, — настаивал Билл. — Большая, грязная жопная дырка, вот ты кто.

* Джульярдская школа — одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства.